

Шевченко

1986 / III

«КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» № 13, 28 марта 1986 г.

КНИГА вошла в жизнь поэта так рано, что его биографы затрудняются определить это время. Сохранился полный достоверных деталей рассказ М. Ф. Яшовского о том, как мальчиком Тарас любил на сельских ярмарках рыться «в книжных развалинах». В местечке Голоскове (над Бугом, ныне — Криворожского района Одесской области), оказавшись на «торговице», где было много-много телег, лошадей и быков, он прежде всего пригляделся, где торгуют книжками. Я заметил, — вспоминает Яшовский, — что мальчик внимательно осматривается вокруг, словно кого-то разыскивает, а затем вдруг воскликнул: «Вот он где!». И мы подошли под стену одного дома, и я там увидел расстеленную под стеной большую белую плахту (простыню), а на этой плахте книжник раскладывал рядами свои книги».

Вряд ли тогда Тарас покупал книжки. Но доподлинно известно, что он сам изготавливал их. Вспоминая, как ему доводилось «змалку виршуват» (сочинять стихи мальчиком), Шевченко сравнивал это с тем, как, нарушая царский запрет писать и рисовать, сшивал рукописные тетради в Орской крепости.

Читал постоянно и вопреки угрозам телесного наказания за это увлечение. Так было у дьяка в Кирилловке. Так было в Петербурге у Ширяева, у которого гениальный юноша состоял в подмастерьях. Так было до того самого счастливого дня 22 апреля 1838 года, когда стараниями В. А. Жуковского, М. Ю. Виельгорского и К. П. Брюллова Шевченко был выкуплен из крепостной неволи и стал студентом Академии художеств.

В автобиографической повести «Художник» он с гордостью напишет о себе — «одном из любимых учеников и товарищем великого Карла Брюллова». Можно с уверенностью сказать, что Шевченко прошел у Брюллова не только школу живописи, но и школу чтения. Историк Академии художеств Николай Рамазанов отмечает у Брюллова « страсть к чтению » вследствие « желания познакомиться с историей человечества ».

Эта страсть привела к образованию у художника замечательного книжного собрания. « Во время работы я читаю, — вспоминает Шевченко в повести «Художник», — у него (Брюллова). — Ю. М.) порядочная своя библиотека, но совершенно безо всякой порядка. Несколько раз мы принимались дать ей какой-нибудь толк, но только все безуспешно. Впрочем, недостаток в чтении нет. Карл Павлович обещался Смирдину сделать рисунок для его «Ста литераторов», и он служил ему всю свою библиотеку. Я прочитал уже почти все романы Вальтера Скотта (в «Художнике», в частности, упоминаются — «Вудсток», «Замок Кенильуорт», «Пертская красавица», «Антикварий». — Ю. М.), теперь читаю «Историю крестовых походов» Мишо. Мне она нравится лучше всех романов, и Карл Павлович то же говорит».

Книги нужны были Брюллову для творчества. Он требовал от учеников тщательного изучения всей литературы, относящейся к избранному сюжету, и сам подавал пример такому изучению: «Чтение Вальтера Скотта, Шиллера, Шекспира, Державина, Пушкина, — свидетельствует современник, — начиная с исторических авторов, каковы Гельвеций, Ранке, Нибур и других, составляло его наслаждение и в них он переносил новые освежительные силы к созиданию. Часто Карл Павлович останавливал

вал читавшего ему ученика и объяснял красоту сочинения... Жажда познания была равна в нем силе самого творчества... Нельзя забыть, как этот художник, уже завладевший европейской славой, занимал скромное место на скамье между студентами Петербургского университета». Рядом с великим Карлом среди университетантов и студентов-академистов был и Шевченко.

Уроки Брюллова были восприняты не только Шевченко-художником, но и Шевченко-поэтом. Исследователи его «Гайдамаков» показали, как велики книжные богатства, переработанные «в свое» при подготовке этой поэмы революционного гнева.

Наряду с огромным пластом народных сказаний Шевченко привлек обширный печатный материал по истории Украины и Польши, изучил историко-беллетристические произведения польских писа-

телейона, ни на гауптвахтах Мангишлака, ни в триумах шхуны «Константин», в экипаже которой он по приглашению замечательного русского исследователя Каспийского моря А. И. Бутакова был рисовальщиком, ни в каюте парохода «Князь Дмитрий Пожарский», на котором возвращался в 1857 году из Шевченко.

Именно там, в пароходной каюте, и родилась знаменитая запись Шевченко при первом чтении «Полярной звезды»:

«Как бы хорошо было если бы выбрать медаль... С одной стороны — портреты этих великомучеников с надписью: «Первые русские благовестители свободы», а на другой стороне — портрет неудобозабываемого Тормоза с надписью: «Не первый русский коронованный плач».

Тормозом по-герценовски назван император Николай I.

ми на полях прочитанных им книг. Иные из них обретали силу революционных прокламаций. Так было с поэтическим откликом на книгу монархиста А. А. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в 1733—1768 гг.».

Как и пристало ответственному чиновнику николаевского министерства, автор «Наездов гайдамак...» весь пафос своего сочинения сосредоточил на том, чтобы доказать независимость гайдамакского движения от социально-экономических причин. Признавая, что гайдамаки действовали при поддержке крестьян, «защищаемые чернью, видевшей в них любимых своих витязей и заступников», Скальковский уподобляет их «хищным зверям», называет их людьми преступными и жестокими, «бродягами», «пьяницами», «колодниками», наконец — извергами и убийцами.

еще меньше того? Ошибочное суждение, кричащее разошедшееся с фактами! Откуда оно? Не оттого ли, что между революционным демократом Шевченко и убежденным либералом Тургеневым в пользу их мимолетного общения не было близости?

Да, именно либералы называли Шевченко в лучшем случае «гениальным дикарем». Они на все лады высказывали скепсис в отношении его подготовленности, образованности, в отношении его интеллигентности. А он с высоты ошеломляющей эрудиции дал столь яркие оценки крупнейшим явлениям в современном ему литературном движении, что mismo них не пройдет ни современный читатель, ни современный исследователь.

Они пытались третировать его за «интеллектуальную ограниченность», а он при жизни оказывал решающее, формирующее влияние на мировоззрение крупнейших современных прогрессивных писателей и ученых. Оказался потому, что и сам был воинистом гениальным читателем.

Особо нужно сказать о Шевченко как о благодарном и проницательном читателе вольного русского слова.

В отношении Тараса Григорьевича к русской литературе запечатлелось чувство благодарности. Благодарности, укреплявшейся в поэте постоянной памятью о том, кому он обязан вторым своим рождением — выкупом из неволи, тем, что попал в Академию художеств, в круг самых прогрессивных людей своего времени, в братство ратоборцев правды и справедливости.

Отсюда и шевченковские оценки декабристов как первых русских благовестителей свободы, отсюда и благоговейное отношение к Пушкину, которого, по свидетельству современника, Шевченко «знал на память», «бессмертному» Грибоедову, «великому» Лермонтову, «великому» Гоголю.

«Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какую радость возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренне мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опасную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!».

Это сказано им при чтении «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Шедрина.

И еще один его отзыв о книге. На этот раз об историческом исследовании Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России»: «Прекрасная книга, вполне изображающая этого гениального бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулась вперед в продолжение последнего десятилетия. Она осветила подробности, закопченные дымом фимиама, усердно кадимого перед портирородными идолами».

Шевченковская страсть к книге, к чтению — выражение его страсти к истине. От литературы требовал он того, чему сам служил ревностно и вдохновенно — «истории-правды».

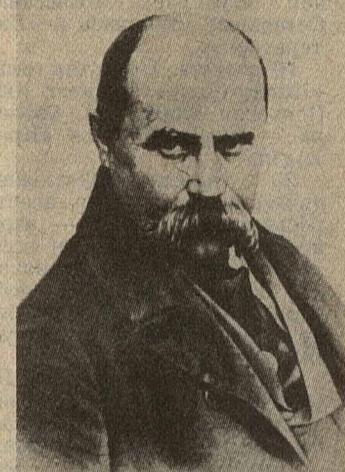
Юрий МАРГОЛИС,
доктор исторических наук,
профессор.
Ленинград.

Портрет Т. Г. Шевченко — с фотографии 1859 г. (Киев).

МОЖНО ТАКЖЕ ПРОЧЕСТЬ:

Причина Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века. М. — Л., 1961.

Марголис Ю. Д. Исторические взгляды Т. Г. Шевченко. ЛГУ, 1983.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Можно с уверенностью сказать, что сведения о читательских интересах ссылочного Шевченко выявлены далеко не полностью. «Поиздиржись немного узника ради», — писал Шевченко 15 декабря 1852 года замечательному русскому слависту О. М. Бодянскому, изгнанному за прогрессивность убеждений из Московского университета, — и пришли мне летопись Конисского (т. е. «Историю русов») — Ю. М.) или Величко (С. Величко). «Летопись событий в Юго-Западной России в XVIII веке» — Ю. М.), велико скажу тебе спасибо».

Полученный от Бодянского экземпляр «Истории русов» сохранился в личной библиотеке поэта. Что же до «Летописи» Величко, то ее в библиотеке Бодянского не оказалось. Однако ученик не забыл о просьбе поэта, и вот 30 июня 1854 года он пишет известному историку М. Погодину: «Автор «Кобзаря» и «Гайдамак», теперь в Новопетровском укреплении на полуострове Мангишлак, лицом к Туркестану, обращается к Вам через меня с покорнейшей просьбой, не пожалуйте ли Вы ему Величко Летописи о Малороссии. Будет Вам угодно это сделать, то через 2—3 дня я пришлю за экземпляром ее в Вашу контору и поспешу отправить по принадлежности, с одним Уральским офицером, который едет в Гурьев городок, оттуда на Мангишлак».

Сверху письма, хранящегося в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, рукой Погодина написано: «Выдать 1 и 2 т. Величко и вручить прилагаемую записку». Так, во времена, когда, по словам кирилло-методиевца Василия Белозерского, «все находились под таким страхом и трепетом, что и помышлять не смели о переписке с Шевченко», была вписана яркая строка в летопись русско-украинских научных связей, одновременно обогатившая и тему «Шевченко-читатель».

Эта тема, несомненно, открывает новые грани творческого гения великого Кобзаря. Ведь многие поэтические шедевры были ничем иным, как читательскими откликами Тараса Григорьевича, своеобразными заметка-